

Русский язык

Научная статья
УДК 811.161.11
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-87
EDN: HSPHIV

Природные объекты и их отражение в языке: о траве и листве – синтаксический и когнитивный потенциал

Надежда Михайловна Девятова

Доктор филологических наук, профессор департамента филологии, Московский городской педагогический университет. 129226, г. Москва, 2-Сельскохозяйственный проезд, д. 4
deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-3649>

Аннотация. В статье рассматривается когнитивный и сравнительный потенциал таких природных объектов, как трава и листва, их разнообразные связи с человеком.

Оба природных объекта проявляют себя в синтаксисе как субъекты состояния и выражают таким образом идею существования. Смысл «существования» оформляется как глаголами *расти, пробиваться, тянуться*, так и прилагательными, передающими разные состояния «здоровья» природного объекта: *зелёная, жёлтая, пожелтая трава* и др.

Исследуются модели, в которых разные формы существительного употребляются в качестве субъекта и предиката модели. Дается анализ моделей с падежными формами *в траве, на траве, по траве*, выявляются особенности их пространственного значения, их культурно значимые признаки.

Разные падежные формы органично входят в сравнительные конструкции и чаще формируют их значение на основе центральных признаков концепта. Более богатым сравнительным потенциалом обладает существительное «*трава*». Трава привносит в сравнение идею свежести, приятного пространства, естественности развития и угасания.

Трава и листва как часть большого природного мира находятся в состоянии движения или покоя: трава и листва *шелестят, шумят, гнутся*. В этот мир оказывается включённым и человек, который погружается в пространство травы, воспринимает её всеми своими чувствами.

Концепт «*трава*» пересекается с концептом «*земля*», а вместе они формируют духовную сущность русского человека, его связь с родиной.

Ключевые слова: природный объект; состояние природного субъекта; концепт; центральные и периферийные признаки концепта; сравнительная конструкция; эталон сравнения; культурно значимые признаки

Для цитирования: Девятова Н. М. Природные объекты и их отражение в языке: о траве и листве – синтаксический и когнитивный потенциал // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 87–94. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-87>. <https://elibrary.ru/HSPHIV>

Russian language

Original article

Natural objects and their reflection in language: about grass and leaves – syntactic and cognitive potential

Nadezhda M. Devyatova

Doctor of philological sciences, professor at the department of philology, Moscow city pedagogical university. 129226, Moscow, 2-Selskokhozyaystvenny proezd, 4
deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-3649>

Abstract. This article examines a cognitive and comparative potential of such natural objects as grass and foliage, and their various links with human beings. Both natural objects manifest themselves in syntax as subjects of state, and thus express the idea of existence. The sense of «existence» is expressed both by the verbs to grow, to break through, to stretch out, and by the adjectives conveying different states of the natural object's «health»: green, yellow, withered grass, etc.

The article investigates certain models in which various noun forms are used as the subject and the predicate of the model. The author analyzes the models with the case forms 'in the grass', 'on the grass', 'across the grass', and shows the specifics of their spatial meaning and their culturally significant features.

Different case forms are organic parts of comparative constructions and more often form their meaning on the basis of the main concept features. The noun 'grass' has a richer comparative potential. Grass introduces into the comparison the idea of freshness, pleasant space, natural evolution and decline.

Grass and foliage are part of the larger natural world, in a state of motion or rest: grass and leaves rustle, make noise, bend. This world includes a human being who immerses in the space of grass and perceives it with all their senses.

The concept 'grass' overlaps with the concept 'land', forming the spiritual essence of Russian people, their connection with their homeland.

Key words: natural object; state of the natural subject; concept; central and peripheral concept features; comparative construction; standard of comparison; culturally significant features

For citation: Devyatova N. M. Natural objects and their reflection in language: about grass and leaves – syntactic and cognitive potential. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):87–94. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-87>. <https://elibrary.ru/HSPHIV>

Введение

В пространстве языка отражается весь многообразный мир – то, что окружает нас, то, что мы тонко ощущаем, – наш особенный мир и мы сами в отношении к этому миру.

Связи человека и мира многообразны, различны и их проявления в языке.

Исследование когнитивной сущности природных объектов представляет одно из антропоцентрических направлений в лингвистике. Когнитивный потенциал лингвистической единицы и его культурно значимые смыслы составляли предмет разных работ: например, [Жизнь животных в зеркальных отражениях..., 2023; Смирнова, 2023] и др.

В наших работах речь шла о синтаксическом потенциале таких объектов, как река [Девятова, 2023], цветы [Девятова, 2024], предметный мир. В настоящей статье речь пойдет о когнитивном потенциале существительного *трава*. Это «1. небольшое растение с однолетним мягким и тонким зелёным стеблем... 2. зелёный покров земли из таких растений» [Ожегов, 1991, с. 804].

Многообразие когнитивных смыслов существительного отражается в его сочетаемости, в разнообразных синтаксических моделях, в том числе сравнительных конструкциях.

Материал статьи составили как примеры из собственной картотеки, так и данные Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru].

Трава является частью нашего привычного естественного окружения, нашего природного

мира. В. Солоухин в очерке «Трава» отмечает особое отношение русского человека к траве: «Русский человек (надо бы сказать, народ) настолько влюблен в природу, что эта его нежность заметна даже по названиям трав» [Солоухин, 1986, с. 38]. Нежное отношение к траве проявляется не только в названиях (*травушка-муравушка*), но и в том, как проявляет себя человек по отношению к природному пространству, в ценности природной реалии как лингвокультурологического объекта: «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделения смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие» [Карасик, 2024, с. 184].

В настоящей статье мы будем говорить о когнитивном потенциале имен *трава* и *листва*, проявляющемся в их синтаксическом поведении, в сравнительных конструкциях, о концептуальных и поэтических смыслах, объясняемых жизнью слова в русском языке и русской культуре.

При исследовании сравнительного потенциала имени и выразительных возможностей сравнительных конструкций используются общенаучные методы: наблюдение, описание, обобщение, методика семантического и синтаксического анализа.

Основная часть

Анализ употреблений существительного *трава* выявляет значимые когнитивные смыслы, формирующие отношение человека к природе, к своей земле, к родине.

О значимости концепта *травы* в русской языковой культуре свидетельствуют богатство его употреблений – в составе фразеологизмов, сравнений (*хоть трава не расти, расти как трава*), в названиях художественных произведений и кинофильмов (русские фильмы «Трава зелена», «Трава и вода», «Трава под снегом», «Трын-трава», «Польнь – трава горькая», «Завтрак на траве»). Культурно значимые смыслы, формируемые бытованием концепта в русской культуре, органично входят в художественную речь, обогащают русскую поэзию. Концепт отражает национально специфичное в единицах языка, жизнь слова и народа, степень освоенности объекта и его роль в обыденной жизни и языковой картине мира. С. Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную, образную структуру, «фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка» [Воркачев, 1997, с. 115–124]. Как национально-специфический концепт трава исследуется в ряде работ, см., например, [Тарасова, Семейн, 2004]. А. В. Алексеев выделяет категорию культурной значимости слова: «Значимость лексического знака определяется не только его отношениями с другими словами, но и всеми отношениями в системе культурных знаков [Алексеев, 2014, с. 8].

Трава представляет природный «растительный» объект. Основные его синтаксические признаки выражают идею существования. Существование объекта – это вместе с тем проявление его состояния: *трава растет* (ср. *ребёнок растет*), *цветет, пробивается сквозь асфальт, трава поднялась* и др. Состояние травы изменчиво и подчиняется природному циклу. Модели со значением состояния отражают разные фазы природного объекта: *трава появляется, пробилась, она растет, цветёт, засыхает, пожелтела и пожухла*. Фазы расцвета и увядания передаются и прилагательными: *свежая трава, зелёная трава, высокая трава, жёлто-коричневая трава, увядающая трава*. Например: *Кому скажу: какой сегодня ветер, / Как зелена трава и небо сине?* (А. Тарковский); *и над маленьким холмиком, выбиваясь из сил, молодая восходит трава* (А. Тарковский).

Признак объекта передаётся разными частями речи и может указывать на состояние его «здоровья»: *зеленая, чахлая трава, трава поднялась, густая трава, редящая трава, пересохшая, сухая трава*. «Зеленый» как признак травы отмечается в

качестве частотной реакции на стимул, а сама трава осознаётся как прототип зелёного цвета [Вежицкая 1996].

Локативная характеристика может называть признак актуальный: *трава торчит из снега, трава произрастает из могильных холмов, трава под окном, трава у дома* или вневременной *алтайские травы*.

Трава подвержена действию природных сил – ветра, дождя и т. п.: *шелестела трава, шумит трава* и др.

Контакты русского человека с травой достаточно многообразны. С одной стороны, трава – это объект хозяйственной деятельности человека: *кошенная / некошенная трава*. С другой стороны, это естественное, освоенное человеком пространство. Трава связана с открытыми пространствами – лугом, полем («русское поле»). Пространство травы многоцветное и «многосоставное». В этом пространстве «растворяются» все чувства человека: слуховое восприятие: *муришала трава, трава пела, стонала, стрекотала*, обонятельное: *трава пахла*, зрительное: *трава блестит капельками росы*, осязательное: *трава была чуть прохладной, трава колет лодыжки* и др. Погруженность человека в траву дарит приятные ощущения и обычно доставляет человеку гедонистическое удовольствие, блаженство. Об особенностях восприятия природных существ см., например, [Якушевич, 2024].

Трава, как река, заливает поле, луг, и это пространство открывается человеку по-разному. Одни действия имеют хозяйственные цели: *косить траву, заготавливать сено* и др. Другие действия бесцельны и объясняются существованием человека в названном пространстве: *истоптанная трава, идти по траве; Они идут, приминая травы. / Они топорами облечены. / Я знаю – они, дровосеки. / Эти деревья обречены* (А. Тарковский).

Трава воспринимается и как приятный глазу эстетический объект, Человек любит полевые цветы, клевером и др., наслаждается приятными ароматами.

Оказываясь в пространстве травы, человек совершает действия на первый взгляд совершенно бесцельные: *пробежаться по траве босиком*. Такие действия могут вызывать гедонистические переживания: *мять траву, валяться на траве, упасть в траву: ах, как хочется в те травы упасть*. Трава воспринимается человеком как пространство освоенное, родное, контакт с которым дарует ему покой, наслаждение: *И снится нам трава у дома, зелёная, зелёная трава*. С травой у человека ассоциируется образ родной зем-

ли, образ родины. В. В. Леденёва, анализируя разные проявления концепта *земля* у М. Ю. Лермонтова, отмечает значимое содержание концепта – отражение вечного и конечного [Номинация и предикация в русском языке..., 2024]. Эти смыслы можно видеть и у травы.

С травой у человека связаны переживания детства и юности: *Я буду долго гнать велосипед. / В густых лугах его остановлю. / Нарву цветов и подарю букет / Той девушке, которую люблю* (Н. Рубцов).

Рассмотрим другие синтаксические реализации существительного *травы*. Одна из частотных синтаксических позиций – позиция локативного субъекта: *травы, на траве, в траве, по траве*.

В известной скороговорке: *На дворе травы, на траве дрова* предложения имеют разное типовое значение. В первом случае локативному субъекту приписывается предикативный признак – двор характеризуется признаком наличия травы, *травы* называет состояние пространственного субъекта (*На дворе растёт травы*). Во втором случае *На траве* выступает как локативный субъект, которому приписывается признак – «существование, наличие предметов в означенном пространстве».

В соответствии со значением грамматической формы *на траве* мыслится как открытое плоское пространство – пространство нахождения человека или предмета: *На траве сидели дети и шумно болели; На траве валялось тележное колесо; На траве у надломленного ствола что-то лежало*.

На траве может выступать как природный субъект состояния: *На траве появляется роса, на траве блестит травы*.

Локативная синтаксема может обозначать место действия или пространственную ориентацию: *играть на траве, вытянуться на траве, сидеть на траве, расстелить на траве, лежать на траве с книгами, сидеть на траве, обедать на траве*. Пространство *травы* человек воспринимает как приятное для него место, а нахождение в этом пространстве – уютное, приятное. Разные действия, производимые человеком в этом пространстве, говорят о взаимном «тяготении» человека и пространства.

В траве в приведённых примерах обозначает локативный субъект, характеризующийся своей природной жизнью: *Осклизлые грибы в сырой траве растут* (А. Тарковский). *В траве* называет внутреннее ограниченное пространство.

В траве может обозначать локативный субъект: *В траве на кладбище глухом, / С крестом без надписи, есть в городе моём / Могила тихая* (А. Тарковский).

Пространство *в траве* является пространством, объемлющим природное, желанное, дающее приют всему живому. Например: *Весьегонск был тихой заводью, похожей на ту, какая каждый год остаётся после разлива, скромно прячется где-нибудь в траве, сонно нежится под солнышком, киснет и является желанным приютом для беззаботных лягушат* (А. Тодорский. Год с винтовкой и плугом).

Травы органично входит в русскую поэзию, эксплицируя концептуально значимые признаки и сама наполняясь поэтическими смыслами. Исследователь творчества А. Тарковского Наум Резниченко отмечает, что «именно с *травы* как некоего онтологического первоэлемента начинается Книга Бытия человека [Резниченко, 2014, с. 37]. Человек, как и *травы*, живут в соответствии с природными циклами. Каждую весну *травы* заново пробуждается к жизни, а осенью прекращает свою жизнь, и эти циклы перекликаются с событиями человеческой жизни. О явлении персонификации как характерной черте поэтического языка [Геймбух, 2021, с. 43].

Среди постоянных эпитетов *травы* отметим: *травы высокая, зелёная, сырая, шелковая, изумрудная, пахучая*.

По траве называет пространство движения человека или другого одушевленного существа и представляет директивную синтаксему [Золотова, 2006, с. 139] *птицы ходят по траве*, движение природных стихий – *капли дождя защёлкали по траве, роса рассыпается бисером по траве, золотые зайчики, бегущие по траве*.

Русская поэзия актуализует значимые смыслы синтаксем: *по траве* называет пространство, через которое пролегает значимый путь: *Я бы хотела / Уже без тела и без души / Пойти по траве к морю в полной тиши. / Я всегда собиралась пойти по траве, но надо, / Чтобы вокруг не было ни души* (М. М. Степанова. «Этой ночью душу твою возьмут от тебя...»); *Поскорей, поскорей / Выбегай из дверей / По траве босиком, / Прямо в небо пушком* (С. Я. Маршак. Радуга-дуга). Путь *по траве* соединяет здесь земное и небесное.

Пространство *травы* восходит к пространству небесному. *По траве босиком* связано с образом детства. *Пробежаться по траве босиком* ассоциируется с детством, с мечтой о высоком: *И по траве, нежнее плюща, / Кружась в бездумной жажде странствий / Плесну горячей песней душ / В бездонность синего пространства!; Вдыхая воздух чистый, / Я по траве росистой / Мечты мои несусь* (Ф. К. Сологуб. «Не дождь алмазный выпал...»).

Трава является частью мира привычного, включается в сюжет его жизни, трава «помечает» значимые события: *Бывало, там на Рождество / В пальто ходил я по траве / Среди лип старинных, узловатых* (С. М. Соловьев. Послание епископу Трифону: «Сказав „прости“ культурным негам...»).

Трава органично входит в пространство души человека: *Хорошо в эту лунную осень / Бродить по траве одному / И собирать на дороге колосья / В обнищавшую душу-суму* (С. Есенин «Песни, песни, о чём вы кричите?...»).

Когнитивный потенциал существительного *трава* ярко проявляется в составе сравнительных конструкций. Значимыми являются все компоненты сравнительной конструкции, где выделяются объект сравнения (то, что сравнивается), эталон, или образ сравнения (то, с чем сравнивается), компаративная константа, общий признак, объединяющий объект и эталон сравнения, показатель сравнительного отношения [Огольцева, 2019, с. 217].

Анализ сравнительных конструкций призван выявить роль центральных и периферийных признаков концепта, разнообразие объектов сравнения, привлекающих эталон *трава*, роль компаративной константы. В сравнительную конструкцию могут входить разные падежные формы. Например: *Сад исходил я года в два / И вдоль и поперек, / И что расту я, как трава, / Мне было невдомек* (А. Тарковский «Ходить меня учила мать...»).

Концепт *трава* входит в сравнение своими центральными признаками. Чаще других в качестве компаративной константы выступает глагол *расти*, передающий идею существования природного объекта. *Расту как трава* характеризует человека и реализует разные признаки: 1) существовать в соответствии со своей природной предназначённостью, естественно; 2) не получать должного воспитания. Например: *И для дочери эта близость вполне обыденна, она не чувствует тут события – просто существует в моих руках, на моей груди, как трава растёт из земли или облако парит в воздухе* (М. Эпштейн. Отцовство).

Частотны и другие глаголы, передающие идею существования: *жить просто, как трава*. В сравнении актуализован признак «без заботы и усилий человека»; *увядать, как трава* – подчиняться своей естественной природе: *Отношение к земле делит героев Есенина на тех, кто, пророс в неё, как трава, стоит «под себя коренья подбрав», кто не может от родных околиц без боли повернуть, не способен «как птица оторваться*

от земли» (Д. Московская. «О русской литературе и краеведения в эпоху культурничества и борьбы за новый быт»). Приведённый пример подтверждает мысль о глубинной связи травы и земли.

Частотны глаголы движения, передающие различные проявления состояния природного объекта: *Люди падали, как трава под косою, стелющееся как трава растение; Богомольцы полегли, как трава, поверженные ниц этим внезапным порывом* (А. Проханов. Господин Гексоген); *Во время тайфуна на Тихом океане пальмы ложатся на землю, как трава* (Л. Шварц. Дневник).

В приведённых примерах сравнение выражает положительную оценку, как и сравнение *прост, как трава*. Амбивалентным является сравнение *расти как трава*, выражающее как положительную, так и реже отрицательную оценку. Например: *Хочу я прожить без цели (как трава) или же я хочу направить свою свободу в русло, необходимое мне* (Ю. Азаров. Подозреваемый). На первый план выходит признак «существующий сам по себе, без чьих-либо усилий, не требующих затрат». Такая жизнь в глазах человека не имеет ценности.

В приведённых примерах компаративная константа называет центральные признаки концепта. Встретилось и необычное сравнение: *буду строгой, как трава*, как представляется, немотивированное.

Сравнение *как трава* встречается при объектах сравнения, называющих части тела человека. Здесь употребляются разные признаки: *кожа пересыхает, как трава; руки нежные, как трава. Копна выбеленных солнцем, взъерошенных, как трава под ногами, волос разрушает статичность позы* (Ю. Рэтхэу. Самые красивые корабли); *Разговор пришёлся на время молодой луны – Водяной выглядел юно, будто не тысячу лет ревматизм в болоте зарабатывал, волосы его блестящие, как трава после дождя* (К. Краева. «Тим и Дан, или Тайна Разбитой коленки: сказочная повесть»).

Частотной в сравнительной конструкции оказывается компаративная константа *зелёный*. Эталон *как зелёная трава* входит в предметное сравнение. Например: *С узлов я кувырнулся на руки матери и уткнулся лицом в зелёный, как трава подол* (В. Н. Вещунов. Дикий селезень); *Верх был синий, как небо, а низ зелёный, как трава* (А. Раскин. Когда папа был маленьким). Сравнение актуализует признак свежести, яркости цвета, как и в следующем сравнении: *Вы, наверное, не поверите, какие у неё были глаза. Один глаз зелёный, как трава. А другой – совсем жёлтый, с ко-*

ричневыми пятнышками (И. Пивоварова. О чём думает моя голова).

Сравнение как *трава* встречается при описании состояния, чувств, способностей человека: веры, таланта и др. Например: *Но сквозь грусть-тоску, как трава, пробивалось наружу к свету, красочное удивление жизнью* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней).

Образ травы привносит признак силы, неизбежности предстоящих изменений; *Вера в пророчество прорастала в них, как трава через асфальт* (В. В. Березин «Англетер». Гостиница «Англетер»); *упрямый дух вольнолюбия десятков тысяч поющих у костров, песенный «социализм на зеленой горе» упрямо пробивался через официально утвержденную тематику конкурсов, как трава через асфальт* (А. Городницкий «И жить еще надежде»).

Сравнение как *трава* привлекаются для прояснения отвлечённых понятий: *Элементы контрциклической бюджетной политики всё-таки пробиваются в жизнь, как трава сквозь асфальт* (Первый шок от кризиса позади); *Глобализация прорастает сквозь ткань существующих обществ, как трава сквозь асфальт* (Н. Покровский. В зеркале глобализации).

Центральный признак концепта *зелёный* привлекается для представления темы творчества. В стихотворении «Главная песенка» Б. Окуджавы с травой ассоциируется созидание и творчество: *«Она (песня) ещё очень неспелая, она зелена, как трава»* [Окуджава, 2007, с 68].

В качестве компаративных констант встречаются и другие центральные признаки концепта: например, *расти*: *И однажды на рассвете две долгожданные строчки, простенькие, как трава, вдруг произросли* (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда). Встречаются и признаки периферийные: *простой, блестеть*: *А слова были простые, как трава, но не шли на ум* (Ю. Нагибин. В дождь); *Всё сверкает поэзией, как трава от росы* (К. Г. Паустовский. Золотая роза). Взаимопроникновение мира человека и мира природы – «отождествление ментальных и физических свойств человека с природой» [Якушевич, 2021, с. 74] составляет суть поэзии, на что, например, обращает внимание и О. Ю. Казмирчук, анализируя ряд стихотворений Б. Л. Пастернака [Казмирчук, 2024].

Другие локативные формы как *на траве*, как *в траве*, как *по траве* встречаются достаточно редко. Например: *Он присел перед девочкой на корточки и потонул среди детей, как в траве* (Р. И.

Фраерман. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви). В сравнении оказывается актуализован признак «нахождение в пространстве».

Сравнения с другими показателями сравнения достаточно редки.

Концепт *листва* имеет много общего с концептом *травы*.

Пространством *листвы* является не только земля, являющаяся её последним пристанищем, но и воздух: *И в небеса / взовьётся белый дым змей / и, словно по законам волшебства, мы пролетим над тёплой землёй / в обнимку / как кленовая листва* [Окуджава. Подмосковье]. *Листва*, как *трава*, каждую осень прекращает свою жизнь и с каждой весной возрождается.

Состояние *листвы* отражается в её цветовой гамме, меняющейся в зависимости от времени года: *зелёная, золотая, багряная, чахлая* и др. *листва*.

Листва, как и *трава*, шумит, шелестит от ветра и дождя, разноцветье радует глаз и является объектом созерцания человека.

Естественное состояние *листвы* – *лететь, облетать, падать на землю* (*Закружилась листва золотая / В розовой воде на пруду* (С. Есенин).

Состояние *листвы* передаётся глаголами *лететь, колебаться, падать, шуметь, шелестеть, зеленеть, краснеть, лететь, осыпаться* и др.

Листва привносит в поэзию идею полёта, устремленности в небеса.

Сравнения с *листвой* достаточно редки. НКРЯ даёт единичные примеры. Такие сравнения выражают идею движения. Например: *И полетели перышки с крыши, как листва по осени* (А. Г. Асмолов. Дом с орлом); *С неё слетали, как листва по осени, тонкие тряпки одежды* (А. Григорович. Пыльная буря).

Другой значимый признак, относящийся к центральным признакам концепта *листва*, как и у *травы*, смена природных циклов. Например: *Казалось уже, что история, начавшаяся весной, осенью закончится с неизбежностью смен сезона: чувства пожухнут, как листва на деревьях* (А. Белозеров. Люди до востребования).

Заключение

Итак, анализ синтаксических реализаций концептов *трава* и *листва* позволил увидеть как их общность, выражающуюся в виде существования, так и некоторые различия. *Трава* оказывается человеку более близкой, она входит в естественное пространство его существования. *Трава*, как и *земля*, соединяет два мира – мир человека и мира природы. *Трава* дарует человеку чувство покоя,

блаженства, она погружает его в самые приятные состояния. Трава воскрешает в памяти человека образ детства и юности.

Более богатыми являются и синтаксические реализации травы, нежели листвы. Человек чувствует траву всеми своими чувствами. Отличается и сравнительный потенциал концептов. Существительное *травы* организует сравнительные конструкции как на основе центральных признаков концепта, так и периферийных. Сравнительные возможности образа листвы существенно беднее. Отдельные сравнительные конструкции создаются на основании центральных признаков концепта.

Библиографический список

1. Алексеев А. В. Культурная значимость слова как категория исторической лексикологии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2014. № 1 (12). С. 8–14.
2. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва, 1996. С. 231–290.
3. Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 115–124.
4. Геймбух Е. Ю., Гордеева О. М. Специфика диалогов в лирике И. А. Бунина (на материале стихотворений «Листопад», «Ковсерь», «Нищий») // История и современность филологических наук. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. Московский городской педагогический университет. Москва, 2021. С. 42–46.
5. Девятова Н. М. Природные объекты в пространстве русского синтаксиса: реки, моря и океаны // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 4 (52). С. 94–103.
6. Девятова Н. М. Природный мир в пространстве русского синтаксиса: существительное «цветок» и его производные // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре. Коллективная монография. Москва, 2024. С. 358–365.
7. Жизнь животных в зеркальных отражениях: литература – культура – язык. Коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. Москва : Книгодел; МГПУ, 2023. 548 с.
8. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. 3-е изд. стереотип. Москва : Едиториал УРСС. 2006. 440 с.
9. Казмирчук О. Ю. Мир человека и мир природы в художественном универсуме стихотворения Б. Л. Пастернака «На пароходе» // Среда. Культура. Текст. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2024. С. 122–128.
10. Казмирчук О. Ю. Стихотворение Б. Л. Пастернака «Март» в контексте «Живаговского» цикла // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. 2023. № 1 (7). С. 47–53.
11. Карасик В. И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Международного научного форума), посвящённой 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань, 2024. С. 183–188.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.01.2025)
13. Номинация и предикация в современном русском языке: коллективная монография / ред. кол. Т. Е. Шаповалова (отв. ред.), Н. А. Герасименко. Москва : ГУП, 2024. 204 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд. Русский язык. 1991. 917 с.
15. Огольцева Е. В. Компаративное гнездо как система грамматических модификаций образа сравнения // Вестник Нижегородского университета им. Н.М. Лобачевского. 2019. № 3. С. 217–225.
16. Резниченко Н. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин – Киев : Издатель Н.М. Лысенко, 2014. 272 с.
17. Смирнова А. И. Природный мир в художественной литературе и культуре как предмет междисциплинарного исследования // Литературоведческие стратегии и практики XXI века. Подготовка диссертационного исследования : учебно-методическое пособие для аспирантов. Москва, 2023. С. 80–94.
18. Солоухин В. А. Трава. Москва : Современник. 1986. 53 с.
19. Тарасова И. А., Семейн Л. Ю. Трава versus grass: природа или культура как единица национальной концептосферы. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2004. С. 294–304.
20. Якушев И. В. Лингвопроксемика и музыкальное мироощущение в образах шахматовской сирени // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре. Смирнова А. И., Алексеев А. В., Гаврилина О. В., Матвеева И. И., Райкова И. Н. : коллективная монография. Москва : Зерцало, 2024. С. 337–385.
21. Якушев И. В. Языковая организация мифологического двоимирия в стихотворении Б. Пастернака «Ветер» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 5. С. 74–79.

Reference list

1. Alekseev A. V. Kul'turnaja znachimost' slova kak kategorija istoricheskoy leksikologii = Cultural significance of word as a category of historical lexicology // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie. 2014. № 1 (12). S. 8–14.

2. Vezhbickaja A. Oboznachenie cveta i universalii zritel'nogo vosprijatija = Denoting color and visual perception universals // Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. Moskva, 1996. S. 231–290.

3. Vorkachev S. G. Bezrazlichie kak jetnosemanticheskaja harakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noj paremiologii = Indifference as an ethnosemantic characteristic of personality: experience of comparative paremiology // Voprosy jazykoznanija. 1997. № 4. S. 115–124.

4. Gejmbuh E. Ju., Gordeeva O. M. Specifika dialogov v lirike I. A. Bunina (na materiale stihotvorenij «Listopad», «Kovser'», «Nishhij» = Dialogue specificity in I. A. Bunin's poetry (on the poems «Leaf Fall», «Kovser», «Beggar») // Istorija i sovremennost' filologicheskikh nauk. Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet. Moskva, 2021. S. 42–46.

5. Devjatova N. M. Prirodnye ob#ekty v prostranstve russkogo sintaksisa: reki, morja i okeany = Natural objects in the space of Russian syntax: rivers, seas and oceans // Vestnik MGPU. Serija «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. 2023. № 4 (52). S. 94–103.

6. Devjatova N. M. Prirodnyj mir v prostranstve russkogo sintaksisa: sushhestvitel'noe «cvetok» i ego proizvodnye = The natural world in the space of Russian syntax: the noun «flower» and its derivatives // «Jazyk cvetov» i cvety v jazyke, literature i kul'ture. Kollektivnaja monografija. Moskva, 2024. S. 358–365

7. Zhizn' zhivotnyh v zerkal'nyh otrazhenijah: literatura – kul'tura – jazyk = Animal life in mirror reflections: literature – culture – language : kolektivnaja monografija / otv. red. A. I. Smirnova. Moskva : Knigodel; MGPU, 2023. 548 s.

8. Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar': repertuar jelementarnyh edinic russkogo jazyka = The Syntax Dictionary: a repertoire of the Russian language elementary units. 3-e izd. stereotip. Moskva : Editorial URSS. 2006. 440 s.

9. Kazmirchuk O. Ju. Mir cheloveka i mir prirody v hudozhestvennom universume stihotvorenija B. L. Pasternaka «Na parohode» = The human world and the natural world in the artistic universe of B. L. Pasternak's poem «On a Steamboat» // Sreda. Kul'tura. Tekst. Sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Nizhnij Novgorod, 2024. S. 122–128.

10. Kazmirchuk O. Ju. Stihotvorenie B. L. Pasternaka «Mart» v kontekste «Zhivagovskogo» cikla = B. L. Pasternak's poem «March» in the context of the «Zhivago» cycle // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Serija 2. Issledovanie po filologii. 2023. № 1 (7). S. 47–53.

11. Karasik V. I. Cennostnaja kartina mira kak ob#ekt aksiologicheskoi lingvistiki = Value picture of the world as an object of axiological linguistics // Jazyki, literatury i kul'tury narodov Rossii v sovremennoj akademicheskoi

nauke. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii (Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma), posvjashhionnoj 85-letiju sozdaniya Instituta jazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan. Kazan', 2024. S. 183–188.

12. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashhenija: 23.01.2025)

13. Nominacija i predikacija v sovremennom russkom jazyke = Nomination and predication in the modern Russian language : kolektivnaja monografija / red. kol. T. E. Shapovalova (otv. red.), N. A. Gerasimenko. Moskva : GUP, 2024. 204 s.

14. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka: 70000 slov = Dictionary of the Russian language: 70000 words / pod red. N. Ju. Shvedovoj. 23-e izd. Russkij jazyk. 1991. 917 s.

15. Ogol'ceva E. V. Komparativnoe gnezdo kak sistema grammaticheskikh modifikacij obraza sravnenija = Comparative nest as a system of grammatical modifications in the image of comparison // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.M. Lobachevskogo. 2019. № 3. S. 217–225.

16. Reznichenko N. «Ot zemli do vysokoi zvezdy»: Mifopojetika Arsenija Tarkovskogo = «From the Earth to the High Star»: Arseny Tarkovsky's mythopoeics. Nezhin – Kiev : Izdatel' N.M. Lysenko, 2014. 272 s.

17. Smirnova A. I. Prirodnyj mir v hudozhestvennoj literature i kul'ture kak predmet mezhdisciplinarnogo issledovanija = The natural world in fiction and culture as a subject of interdisciplinary research // Literaturovedcheskie strategii i praktiki HHI veka. Podgotovka dissertacionnogo issledovanija : uchebno-metodicheskoe posobie dlja aspirantov. Moskva, 2023. S. 80–94.

18. Solouhin V. A. Trava = Grass. Moskva : Sovremennik. 1986. 53 s.

19. Tarasova I. A., Semejn L. Ju. Trava versusgrass: priroda ili kul'tura kak edinica nacional'noj konceptosfery = Trava versus grass: nature or culture as a unit of the national conceptual sphere // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2004. S. 294–304.

20. Jakushevich I. V. Lingvoproksemika i muzykal'noe mirooshhunenie v obrazah shahmatovskoi sireni = Linguoproxemics and musical worldview in the images of Shakhmatov's lilacs // «Jazyk cvetov» i cvety v jazyke, literature i kul'ture. Smirnova A. I., Alekseev A. V., Gavrulina O. V., Matveeva I. I., Rajkova I. N. : kolektivnaja monografija. Moskva : Zercalo, 2024. S. 337–385.

21. Jakushevich I. V. Jazykovaja organizacija mifologicheskogo dvoemirija v stihotvorenii B. Pasternaka «Vet'er» = Linguistic organization of mythological duel world in B. Pasternak's poem «The Wind» // Russkij jazyk v shkole. 2021. T. 82. № 5. S. 74–79.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 18.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025